

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ЦЕРКВИ

А. Николов
(Софийский университет)

ИДЕЯ О БЛАГОЧЕСТИИ И МУДРОСТИ ПРАВИТЕЛЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ И ПУБЛИЧНОЙ ПРОПАГАНДЕ БОЛГАРСКИХ ГОСУДАРЕЙ В ПЕРВОЕ СТОЛЕТИЕ ПОСЛЕ ПРИНЯТИЯ ХРИСТИАНСТВА В БОЛГАРИИ (864—971 гг.)

К середине IX в. языческое Болгарское ханство являлось одним из ведущих политических факторов в жизни Юго-Восточной Европы. О могуществе этого государства достаточно красноречиво свидетельствуют его границы, которые простирались от албанских гор до степей Северо-Западного Причерноморья и от Белграда и Потисья до равнин Восточной Фракии. Несмотря на огромные территориальные завоевания на северо-западе и на установление регулярных дипломатических сношений с Франкской империей, ведущим партнером во времена мира и основным соперником болгар на ратном поле оставалась Византийская империя. Взаимоотношения двух стран по давней традиции регламентировались мирными договорами, которые свидетельствовали о политическом признании Болгарии со стороны «империи ромеев» — наиболее могущественного государства в раннесредневековой христианской Европе¹.

Следует отметить, что болгарские ханы первой половины IX в. неизменно подчеркивали как свою политическую независимость, так и свой равный статус с византийскими василевсами. Именно в этот период в Болгарии оформились черты специфической религиозно-политической идеологии, генетически связанной с тюркско-алтайской имперской моделью и основанной на представлении о великом хане — первожреце, наместнике и земном подобии небесного властителя Тангра (Тенгри). Идея о божественном происхождении суверенной власти болгарских правителей нашла синтезированное выражение в носимом ими и официально признанном Византией греческом титуле «Богом поставленный правитель»².

Положение Болгарии в системе международных отношений стало меняться очень быстро после восшествия на престол хана Бориса I (852—889; + 907). В 862 г. новый правитель заключил военный союз с королем восточных франков Людовиком II (843—876) и обязался принять крещение. Намерение Бориса воспринять христианство от немецкого духовенства скоро вызвало ответную реакцию Византии — осенью 863 г. имперские войска были перебросены из Малой Азии на Балканы и подготовились к нашествию в земли Болгарии. Сложившаяся неблагоприятная ситуация была чревата военной катастрофой, и болгарский хан был вынужден заключить с Византией т.н. «глубокий мир». Согласно этому договору, христианство стало официальной религией Болгарии, а сам Борис I был крещен рукой византийского священника, восприняв новое имя — Михаил³.

¹ Дуйчев И. Одна из особенностей ранневизантийских мирных договоров // Византийский Временник. 1959. Т. 15. С. 64—70; Бешевице В. Първоболгарски надписи (Второ преработено и допълнено издание). София, 1992. С. 36—37, 16—185. Литаврин Г. К дискуссии о договоре 716 г. между Византией и Болгарией // Byzantinoslavica. Prague, 1995. Vol. 56. № 1. С. 37—43.

² Кляшторный С. Праболгарский Тангра и тюркский пантеон // Сборник в памет на проф. Станчо Ваколинов. София, 1984. С. 18—22; Польшвинный Д. Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте византийско-славянской общности IX—XV веков. Иваново, 2000. С. 25—26; Николов А. Политическа мисъл в раннесредневековна България (средата на IX — края на X век). София, 2006. С. 29—38.

³ О правлении Бориса и крещении болгар см.: Гюзелев В. Княз Борис Първи. България през втората половина на IX век. София, 1969; Литаврин Г. Введение христианства в Болгарии (IX — начало X в.) // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988. С. 30—67; Божилков И. Седем етюда по средновековна история. София, 1995. С. 73—129; Simeonova L. Diplomacy of the Letter and the Cross. Photios, Bulgaria and the Papacy, 860s-880s. Amsterdam, 1998; Божилков И., Гюзелев В. История на средновековна България VII—XIV век. София, 1999. С. 169—195.

Обстоятельство, что Борис I крестился под прямым дипломатическим и военным давлением Византии, сильно скомпрометировало его в глазах высшей боярской аристократии, представители которой сохраняли преданность языческим верованиям и рассматривали акт своего государя как капитуляцию перед исконным врагом и соперником Болгарии. Ранней весной 866 г. приверженцы старых верований «единодушно с большим ожесточением» стеклись у стен столичного города Плиска в попытке свергнуть Бориса и отбросить введенный им «плохой закон» — распространяемое византийскими духовными миссионерами христианство⁴. В этих условиях князь-креститель был вынужден действовать очень сурово и даже прибегнуть к жестокостям: после разгрома восстания он помиловал и освободил рядовых мятежников, но повелел казнить возглавивших бунт 52 бояр со всеми их родственниками, включая малых детей⁵. Большинство древних тюрко-болгарских аристократических фамилий сошло с исторической сцены в считанные дни, и эта драма стала символом новой эпохи, в рамках которой Борису было суждено превратиться «из гунноболгарского хана в славяноболгарского князя»⁶, а Болгария в течение шести десятилетий преобразилась из языческого ханства в христианское царство⁷.

История оправдала Бориса, который руководствовался в своих действиях интересами государства и заботой о спасении своего еще не окрепшего в вере народа. Однако память о совершенном грехе терзала князя до скончания его дней. Когда несколько месяцев после кровавой бани в Плиске, в августе 866 г., посланцы Бориса приехали в Рим, они поднесли папе Николаю I (858—867) меч, которым был опоясан князь во время расправы над мятежниками⁸. В послании, врученном тогда же папе от имени болгарского правителя, содержался вопрос, является ли грехом содеянное им при подавлении антихристианского бунта. Отвечая на этот вопрос с подобающей вежливостью, Николай I не желал ввести своего корреспондента в заблуждение относительно церковной оценки недавних событий в Болгарии: «Но это, во всяком случае, было совершено не без греха и не могло произойти без вины с Вашей стороны, раз поколение, которое не участвовало в замысле своих родителей и не было изблещено в поднятии оружия против Вас, безвинно было выбито вместе с виноватыми... Однако, поскольку Вы согрешили скорее из-за ревности в христианской вере и по незнанию, чем из-за другого порока, последующим покаянием ищите прощение и милость по благоволению Христа»⁹.

Стремясь искупить свой грех, Борис-Михаил подчинил всю свою последующую деятельность стремлению распространить и укрепить среди болгар «настоящее и совершенное христианство, которое не имеет пятен или морщины»¹⁰. Именно в этот период была учреждена Болгарская архиепископия (870), которая скоро получила автокефальный статус от Константинопольской церкви (879). Наряду с развернувшимся в стране масштабным строительством храмов и монастырей, Борис-Михаил заботился и о подготовке собственного славяно-болгарского клира, чему благоприятствовало принятие в Болгарии изгнанных из Великой Моравии учеников Св. Кирилла и Св. Мефодия (886) и распространение славянской книжности в стране.

Князь-креститель воспринял с подобающей серьезностью идею, развитую в послании к нему патриарха Фотия, что он должен быть «образцом и примером всякой добродетели и благочестия не только для своих подданных, но и для всего человеческого рода»¹¹. В жизни

⁴ *Nicolaus I Papa*. Epistola 99 // Monumenta Germaniae Historica. Epistolae. T. 6 / E. Perels, ed. Berolini, 1925. P. 577 (Epistolae Karolini Aevi; IV); Annales Bertiniani s. a. 866 // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. 1 / G. Pertz, ed. Hannoverae, 1826. P. 473. См. также: *Турилов А.* Две забытые даты болгарской церковно-политической истории IX в. (К вопросу формирования болгарского варианта церковного месящеслова в эпоху Первого царства) // Palaeobulgarica. 1999. № 1. С. 14—34.

⁵ Annales Bertiniani s. a. 866. P. 474.

⁶ *Златарски В.* История на българската държава през средните векове. София, 1971. Т. 1. Ч. 2. С. 66.

⁷ *Гюзелев В.* Столици, резиденции и дворцова култура в средновековна България (От номадския стан към царския двор) // Известия на Националния исторически музей. София, 1994. Т. 10. С. 39—66.

⁸ Annales Bertiniani s. a. 866. P. 474.

⁹ *Nicolaus I Papa*. Epistola 99. P. 577.

¹⁰ *Nicolaus I Papa*. Epistola 99. P. 599.

¹¹ *Photius*. Epistolae et Amphilochia / V. Laourdas, G. Westerink, eds. Lipsiae, 1983. Vol. 1. P. 39. См. также: *Гюзелев В.* Цариградският Фотиев модел на христианизирания владетел — бивш езичник // Die Slawischen Sprachen. Salzburg, 1985. Bd. 9. S. 19—31; *Симонова Л.* Византийската концепция за изкуството да се управлява според Фотиевото послание до княз Борис I // Проблеми на културата. София, 1988. № 4. С. 9—104; *Чичуров И.* Политическая идеология Средневековья. Византия и Русь. М., 1990. С. 32—66.

Плисковского двора установился дух строгого христианского благочестия, в котором сам князь и его окружение усматривали залог стабильности и процветания государства. Наряду с этим Борис-Михаил стремился сосредоточить в руках своей фамилии полноту как государственной, так и церковной власти. Следуя примеру византийского императора Василия I (867—886), который готовил своего младшего сына Стефана на пост патриарха¹², болгарский князь послал своего третьего сына Симеона в Константинополь, где он получил высшее светское образование, а потом принял монашеское пострижение¹³ и стал потенциальным кандидатом на болгарский архиепископский престол. В разное время монашеский образ приняли также дочери Бориса-Михаила Евпраксия и Анна, его брат Докс, который вдохновил Иоанна Экзарха перевести с греческого языка на славянский часть «Богословия» св. Иоанна Дамаскина, и сын Докса — Тудор, который в начале X в. занимался переписыванием славянских рукописей¹⁴. Согласно свидетельству Регинона из Прюма (+910), сам князь болгар «проявлял такое совершенство после принятия благодати Крещения, что днем появлялся перед народом одетый королевскими украшениями, а ночью, войдя тайно в церковь одетый в грубую одежду, лежал простертым на полу в молитве, постлав под собой только власяницу...»¹⁵. Далее немецкий летописец описывает, как в 889 г. Борис-Михаил «оставил земное царство, чтобы царствовать вечно с Христом на небесах; и поставил на свое место королем своего старшего сына, постригся, принял одежду святого подвижничества и стал монахом, предаваясь днем и ночью милосердию, бдению и молитвам»¹⁶.

Отречение от престола и принятие монашества стало очередным проявлением личного благочестия князя-крестителя. Однако и в своем монастырском уединении Борис-Михаил сохранил за собой право на решающее слово в государственных делах. Идея о специальной политической роли бывшего властителя болгар нашла выражение в уникальной легенде его недавно обнаруженных печатей конца IX — начала X в., которая гласит: «Богородице, помогай своему рабу Михаилу, ставшему монахом, от Бога князю Болгарии»¹⁷. Высокий авторитет монашествующего князя проявился в 893 г., когда он лично сместил с престола и повелел ослепить своего старшего сына Владимира-Расате, который вел распущенный образ жизни и завязал неуместные контакты с Немецким королевством. Волею Бориса-Михаила столица страны была перенесена из Плиски в Преслав, а новым князем стал монах Симеон. В связи с этим старый князь созвал в том же году специальный собор, на котором публично предупредил сына, что его постигнет судьба его брата, если он в чем-нибудь отступит от настоящего христианства¹⁸. О влиянии вернувшегося обратно в монастырь Бориса-Михаила в следующие годы (вероятно, вплоть до его смерти в 907 г.) свидетельствует обстоятельство, что он наложил на страну трехдневный пост и покаяние в связи с нашествием венгров-язычников в 895—896 гг.¹⁹

Сосредоточим теперь наше внимание на личности нового князя Симеона²⁰. После долгих лет подготовки к духовной службе молодой монах был вынужден обстоятельствами принять на себя ответственность за судьбы болгарского народа, а вместе с тем — и грех нарушения клятвы отречения от мира, данной при его монашеском пострижении. Современные историки с основанием полагают, что на Соборе в 893 г. (или еще до его проведения)

¹² Николов А. Цит. соч. С. 94—95.

¹³ Liutprand. Antapodosis III. 29 // Liutprand von Cremona. Werke / J. Becker, hrsg. Hannover und Leipzig, 1915. S. 87: «Hunc etenim Simeonem emiargon, id est semigrecum, esse aiebant, eo quod a puericia Bizantii Demostenis rhetoricam Aristotelisque sillogismos didicerit. Post haec autem relictis artium studiis, ut aiunt, conversationis sanctae habitum sumpsit».

¹⁴ Дуйчев I. La réforme monastique en Bulgarie au Xe siècle // Études de civilisation médiévale. Poitiers, 1974. P. 255—264.

¹⁵ Regino, abbas Prumiensis. Chronicon cum continuatione Treverensi s.a. 868 / Fr. Kurze, ed. Hannoverae, 1890. P. 95—96.

¹⁶ Ibidem. P. 96.

¹⁷ Йорданов И. Корпус на печатите на средновековна България. София, 2001. С. 34—36.

¹⁸ Regino. Op.cit. P. 96.

¹⁹ Annales Fuldenses s.a. 896 // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. T. 1 / G. Pertz, ed. Hannoverae, 1826. P. 412.

²⁰ О Симеоне см.: Божилков И. Цар Симеон Велики (893-927): Златният век на средновековна България. София, 1983; Shepard, J. Symeon of Bulgaria — Peacemaker // Годишник на Софийския университет. Научен център за славяно-византийски проучвания «И. Дуйчев». София, 1991. Т. 3. С. 9—48.

Болгарская Церковь, учитывая взрывоопасную ситуацию в стране, согласилась простить этот тяжелейший проступок и освободить Симеона от его монашеского звания²¹.

Однако и сам князь хорошо сознавал незаконность своего (хоть и вынужденного) восшествия на престол. Имея перед глазами пример отца, который придавал молитве и покаянию правителя очень серьезное политическое значение, после 893 г. Симеон вел исключительно суровую и аскетическую жизнь. Интересные свидетельства об этом оставил константинопольский патриарх Николай Мистик (901—906; 912—925) в своих письмах, адресованных самому Симеону. По его словам, болгарский князь — «...человек добродетельный, который пользуется незабвенным именем и подает пример характером и боголюбивой жизнью своим современникам и будущим поколениям... Я слышу от многих, что ты днем и ночью не перестаешь молить Бога, чтобы он простил тебя за твой прежний поход против христиан, и всяческим образом — постом, молитвами, сокрушением сердца — стараешься очиститься от этого греха»²². В другом письме Николай Мистик характеризовал князя следующим образом: «Симеон, кто своим великим умом и боголюбием привел болгарский народ к большой славе, кто больше всех людей ненавидит зло, почитает справедливость и отвращается от несправедливости, кто побеждает страсти, воздержан в еде не меньше тех, кто подвизается в горах, кто не прикасается к вину и ничем, кроме данной ему Богом властью управлять, не отличается от тех, кто дал обет жить вне мира сего»²³.

Не следует забывать, что при Симеоне, и особенно после 913 г., когда он воспринял царский титул, отношения между Болгарией и Византией были отмечены серией кровопролитных военных конфликтов. Противопоставление двух государств стало своеобразным продолжением полного взаимной неприязни соперничества между Львом VI Мудрым (886-912) и Симеоном. И в Константинополе, и в Преславе управляли монархи, которые были ровесниками, любили книги и чтение, занимались христианской проповедью и твердо верили в свою богоизбранность²⁴.

Тут следует припомнить обобщение Д. Буланина, что в этот период «Болгария не могла выиграть спора с Византией, не обеспечив чистоту своего православия»²⁵. Ученый отмечает также, что сложившаяся в культурной жизни Болгарии в X в. «установка на трансплантацию византийской монастырской культуры была принята... в окружении царя Симеона»²⁶. На мой взгляд, выбор этой «установки» принадлежал Борису-Михаилу, Симеону же выпала ответственность провести ее в жизнь. Сознательный выбор этой культурной парадигмы, сделанный в Болгарии в конце IX в., имел далеко идущие последствия для всех православных славянских народов. Благодаря ему, последующие поколения славянских книжников упорно сторонились «эллинской мудрости», отождествляя ее вплоть до XVII в. с «эллинской прелестью»²⁷.

Неслучайно, что именно в этот период в Болгарии, вероятно, по личному заказу Симеона, впервые был переведен с греческого языка на славянский трактат диакона Агапита, адресованный императору Юстиниану Великому (527—565): изложенный в этом произведении взгляд об абсолютном господстве в светских и церковных делах богоподобного в своей добродетели царя-философа вполне гармонировал со стремлением болгарского правителя выдать себя за избранного Богом наследника византийского престола, «Нового Юстиниана», призванного воскресить древнее величие и могущество христианской Римской империи.

Интересно отметить, что древнеболгарский переводчик передает греческий термин «философия» славянским соответствием «целомудрие», поскольку в Средневековье философия мыслилась именно как любовь к Божией Премудрости, к Богу. Для болгарских

²¹ Златарски. Цит. соч. С. 257; Гюзелев. Княз Борис... С. 470; Божилков, Гюзелев. История... С. 225.

²² *Nicholas I Patriarch of Constantinople*. Letter 5. 50-52, 167-170 // *Nicholas I Patriarch of Constantinople, Letters* / R. J. H. Jenkins, G. Westerink, eds. Washington, 1973. P. 28, 34, 36 (Corpus Fontium Historiae Byzantinae; 6).

²³ *Nicholas I*. Letter 14. 60-66. P. 94.

²⁴ *Shepard J.* The ruler as instructor, pastor and wise: Leo VI of Byzantium and Symeon of Bulgaria // *Alfred the Great. Papers from the Eleventh-Centenary Conferences* / T. Reuter, ed. Aldershot, 2003. P. 339—358.

²⁵ Буланин Д. Античные традиции в древнерусской литературе XI-XVI вв. München, 1991. S. 271—272 (Slavistische Beiträge; 278); Буланин Д. Письмо и письменность в Древней Руси (середина X — рубеж XIII и XIV веков) // *Русская литература*. СПб, 2006. № 3. С. 241—251, здесь: с. 248.

²⁶ Буланин. Античные традиции... С. 266; ср.: *Полывянный Д.* Культурное своеобразие... С. 58.

²⁷ Ср.: Буланин. Античные традиции... С. 272.

книжников начала X в., как и для их современников византийцев, настоящим философом был посвятивший себя служению Богу монах, одаренный высочайшими нравственными и интеллектуальными качествами. В глазах писателей преславского дворцового круга «ученый» Симеон, проживший немало лет в монастыре, выглядел воплощением изложенного Агапитом идеала о слиянии власти и мудрости²⁸.

Несмотря на военные победы и на выдающиеся достижения болгарской христианской культуры, Симеону так и не удалось сесть на трон в Константинополе. Его наследнику Петру (927—969) пришлось заключить осенью 927 г. мирный договор с Византией, согласно которому империя признала как царский титул нового болгарского правителя, так и патриаршее достоинство главы Болгарской церкви. Договор был скреплен браком между царем Петром и внучкой императора Романа Лакапина Марией-Ириной. С тех пор вплоть до дунайских походов киевского князя Святослава Игоревича Болгария играла роль «второй империи на Балканах»²⁹, страны, послам которой в византийской столице отдавали предпочтение перед посланцами всех прочих народов³⁰.

Однако в стране скоро сложилась напряженная обстановка: двое из братьев Петра (Иоанн в 928 г. и Михаил в 930 г.) организовали заговоры с целью свергнуть его с престола. Сербы, при тайной поддержке Византии, сбросили в 931 г. власть Болгарского царства. Наряду с этим в стране появилась ересь богомилов, распространение которой стало печальным свидетельством разрыва и отчуждения между широкими слоями населения и верховной властью³¹.

Поскольку союз между Церковью и государством являлся основой народного единства, царь Петр был вынужден принять категорические меры, с тем чтобы преодолеть духовный раскол. В центр своей владетельской пропаганды Петр поставил идею о своем совершенном благочестии в качестве покровителя Болгарской Церкви и защитника православной веры. Представление о благочестии правителя в этот период постепенно приобрело черты официальной политической программы, о чем, в частности, свидетельствуют свинцовые печати с изображениями Петра и Марии-Ирины, с сопровождающей легендой на греческом языке: «Петр, благочестивый василевс»³². Это своеобразное «политическое благочестие» можно рассматривать как продолжение и развитие религиозно-политических концепций Бориса-Михаила и культивированного Симеоном идеала «царя-философа». Впрочем, именно в период правления Петра распространился святительский культ Бориса-Михаила, зародившийся непосредственно после его смерти 2 мая 907 г.³³ Сам факт, что царь дал своему первородному сыну и престолонаследнику имя Борис свидетельствует о стремлении этого правителя легитимировать себя в качестве продолжателя дела своего деда.

Развернутая богомилами еретическая пропаганда поставила перед Болгарской Церковью и государственной элитой задачу поднятия моральных и нравственных представлений массы верующих, которые, как правило, не располагали ни библейскими книгами, ни объ-

²⁸ О древнейшем болгарском переводе трактата Агапита и его месте в политической мысли Симеоновой эпохи см.: *Николов А.* Старобългарският превод на «Изложение на поучителни глави към император Юстиниан» от дякон Агапит и развитието на идеята за достойнството на българския владетел в края на IX — началото на X в. // *Palaeobulgarica*. София, 2000. № 3. С. 76—105; *Николов А.* Царят-богоподражател. Един пренебрегнат аспект от политическата концепция на Симеон I // *Годишник на Софийския университет. Научен център за славяно-византийски проучвания «И. Дуйчев»*. София, 2002. Т. 10. С. 109—122; *Николов А.* Политическа мисъл... С. 214—230. Ср.: *Турилов А., Флоря Б.* Христианская литература у славян в середине X — середине XI в. и межславянские культурные связи // *Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия* / Б. Флоря, ред. М., 2002. С. 398—458, здесь: с. 406; *Максимович К.* Образ идеального правителя в древнерусской «Пчеле» и политическая мысль Византии // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2002. № 1. С. 28—42, здесь: с. 38.

²⁹ *Shepard J.* Bulgaria: the other Balkan «empire» // *The New Cambridge Medieval History*. Vol. III. с. 900 — с. 1024 / Т. Reuter, ed. Cambridge, 1999. P. 567—585.

³⁰ *Liutprand.* Legatio с. 19 // *Liutprand von Cremona. Werke* / J. Becker, hrsg. Hannover und Leipzig, 1915. S. 186.

³¹ О содержании договора 927 г. и правлении Петра см.: *Dujčev I.* On the Treaty of 927 with the Bulgarians // *Dumbarton Oaks Papers*. Washington, 1978. Vol. 32. P. 217—295; *Shepard J.* A marriage too far? Maria Lekapena and Peter of Bulgaria // *The empress Theophano. Byzantium and the West at the turn of the first millennium* / A. Davids, ed. Cambridge, 1995. P. 121—149; *Божилев, Гюзелев.* История... С. 271—307.

³² *Йорданов.* Цит. соч. С. 60.

³³ *Чешмеджиев Д.* Към въпроса за култа на княз Борис-Михаил в средновековна България // *Исторически преглед*. 1999. № 3—4. С. 158—176.

емистыми экзегетическими и догматическими произведениями Отцов Церкви. Ответственность за организацию деятельности по изготовлению и распространению общедоступных «душеспасительных» книг для индивидуального чтения в большой степени пала на болгарского царя³⁴ — именно он располагал необходимыми для этого материальными средствами, да и в его распоряжении находились практически все накопившиеся к середине X в. переводные и оригинальные произведения древнеславянской и древнеболгарской литературы, которые хранились во дворце, в столичных монастырях и церквях³⁵. Так, например, именно в этот период был составлен сборник из разнообразных поучительных текстов, который позже подвергся некоторым редакционным изменениям и чья древнейшая сохранившаяся копия, изготовленная в Киеве, известна сегодня под названием «Изборник 1076 г.»³⁶

Следует припомнить, что Константинопольский патриарх Феофилакт Лакапин (933—956)³⁷ в своем письме к Петру восхвалял его «верную и боголюбивую душу» и изображал своего корреспондента как воплощение идеала направляемого Богом правителя, который был изложен еще в послании патриарха Фотия к Борису-Михаилу. Осудив богомилство, Феофилакт закончил свое послание словами: «Но будь, христолюбче, возвестителем благочестия, учителем православия, исправителем или гонителем и уничтожителем еретического заблуждения и самым сильным и отличным во всем наилучшем, чем я буду гордиться не менее, чем родством и дружбой с тобою»³⁸.

Царь Петр хорошо сознавал свою ответственность не только за тела, но и за души своих подданных. Он приложил немало усилий, с тем чтобы воплотиться в роль «учителя православия», предписанную ему патриархом Феофилактом. Будучи покровителем монашества и отшельничества, обличителем моральных и социальных пороков современного ему общества, этот болгарский государь стал настоящим «борцом против невежественности духовенства и ереси»³⁹. После долгого правления, доказав делом свое благочестие и заботу о Церкви, Петр оставил царский престол своему сыну Борису II (869—971), стал черноризцем и скоро после его смерти был причислен к лику святых⁴⁰. Только считанные месяцы после его кончины 30 января 969 г. войска язычника Святослава оккупировали Преслав, а весной 971 г. болгарская столица была взята приступом и подверглась беспощадному опустошению войсками византийского императора Иоанна Цимисхия (969—976). Однако сложившаяся при Борисе-Михаиле, Симеоне и Петре культурно-политическая модель не погибла, но стала общим достоянием всех славянских народов, которые восприняли православное христианство.

³⁴ *Николов*. Политическа мисъл... С. 253—268. Ср.: *Литаврин Г.* Христианство в Болгарии в 927—1018 гг. // *Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия* / Б. Флоря, ред. М., 2002. С. 133—189, здесь: с. 137.

³⁵ О корпусе древнеболгарских переводов конца IX—X вв. см.: *Турилов А.* Болгарские литературные памятники эпохи Первого царства в книжности Московской Руси XV—XVI вв. (заметки к оценке явления) // *Славяноведение*. 1995. № 3. С. 31—45; *Thomson Fr.* The reception of Byzantine culture in mediaeval Russia. Aldershot, 1999; *Podskalsky G.* Theologische Literatur des Mittelalters in Bulgarien und Serbien: 865—1459. München, 2000.

³⁶ *Veder W.* The Izbornik of 1076 // *The Edificatory Prose of Kievan Rus' / W. Veder, A. Turilov, eds.* Cambridge (Mass.), 1994. P. XXIII—XL (Harvard Library of Early Ukrainian Literature. English Translations; 6.).

³⁷ Патриарх приходился дядей болгарской царице Марии-Ирине, и его контакты с царем Петром приобрели специфический подтекст после устранения Лакапинов от власти в 944—945 гг., когда Феофилакт оказался в политической изоляции: *Литаврин Г.* Константин Багрянородный о Болгарии и болгарях // *Сборник в чест на акад. Димитър Ангелов*. София, 1994. С. 30—37, здесь: с. 34—36; *Николов*. Политическа мисъл... С. 269—279. О Феофилакте см.: *Станковић В.* Цариградски патријарси и цареви Македонске династије. Београд, 2003. С. 107—125; *Stanković V.* When was Theophylaktos Lakapenos born? // *JÖB*. Wien, 2005. Bd. 55. S. 59—69; *Йорданов И.* Печат на византийския патриарх Теофилакт (933—956), намерен в Преслав // *Тангра*. Сборник в чест на 70-годишнината на акад. Васил Пюзелев. София, 2006. С. 355—357.

³⁸ *Петровский Н.* Письмо патриарха константинопольского Феофилакта царю Болгарии Петру // *Известия Отделения Русского Языка и Словесности*. СПб., 1913. Т. XVIII. № 3. С. 356—372, здесь: с. 367—368; *Dujčev I.* Medioevo bizantino-slavo. Saggi di storia politica e culturale. R., 1965. Vol. I. P. 315. (Storia e letteratura. Raccogli di studi e testi; 102). Vol. I. P. 315.

³⁹ *Польвянный Д.* Культурное своеобразие... С. 81.

⁴⁰ *Чешмеджиев Д.* Няколко бележки за култа към цар Петър I (927—969) // *Християнската традиция и царската институция в българската култура*. Шумен, 2003. С. 23—37; *Билярски И.* Покровители на Царството: св. Цар Петър и св. Параскева-Петка. София, 2004. С. 17—42; *Чешмеджиев Д.* Една различна книга // *Исторически преглед*. София, 2006. № 1—2. С. 154—167; *Билярски И., Йовчева М.* За датата на успението на цар Петър и за култа към него // *Тангра*. Сборник в чест на 70-годишнината на акад. Васил Пюзелев. София, 2006. С. 543—557.

THE IDEA OF PIETY AND WISDOM OF A RULER IN POLITICAL IDEOLOGY AND PUBLIC PROPAGANDA OF THE BULGARIAN SOVEREIGNS IN THE FIRST CENTURY AFTER INTRODUCTION OF CHRISTIANITY IN BULGARIA (864—971)

ANGEL NIKOLOV

After the Christianization of the Bulgarian khanate in 864—866 the baptist of Bulgarian people Boris-Michael (852—889, +907) laid foundations for the Church organization and took under his auspices the disciples of Slavic Apostles Saint Constantine-Cyril and Saint Methodius, who started large-scale literary and linguistic activities in subsequent decades. Adherence of the Bulgarian ruler to piety predetermined the orientation of the early Medieval Christian culture of Bulgaria for Patristic and early Byzantine patterns and deep hostility to the intellectual tradition of the pagan antiquity. Under the reign of Simeon (893—927) the cultural pattern devised by Boris-Michael was combined with ambitions of the new Bulgarian ruler to make himself a dignified tsar and later ascend the imperial throne of Byzantium. Simeon tried to style himself in the minds of his contemporaries as a «tsar-philosopher», whose great mission was to revive the ancient glories and power of the Christian empire. His son and successor tsar Peter (927—969), however, had to hold a course for reconciliation and convergence with Byzantium. Going on the warpath against the new heresy of Bogomils Tsar Peter gained the reputation of «master of Orthodoxy». At the end of his life he retired to the monastery and after death he was canonized by the Bulgarian Church. After adoption of Christianity in Bulgaria, the country's cultural and political pattern spread throughout the whole Slavic Orthodox world.

*И. Н. Попов
(ЦНЦ ПЭ)*

**КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ СОБОР 381 г.
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ ВИЗАНТИЙЦЕВ
(НА ПРИМЕРЕ ХРОНИК VI—XII ВВ.)**

2-й Вселенский Собор, как правило, привлекает внимание историков в связи с внутренней политикой императора Феодосия Великого и установлением на Соборе в иерархии Вселенской Церкви первенства чести после Рима за столичной Константинопольской кафедрой. Мы рассматриваем Собор как пример сохранения и использования исторической памяти в Византии. Пример во многом типичный, поскольку ни сам Собор, ни утвержденный им статус константинопольского престола в сознании самих византийцев, в структуре их исторических знаний не обладал каким-либо выдающимся статусом и не привлекал повышенного внимания.

Византийская традиция исторической памяти о 2-м Вселенском Соборе во многом типична для восприятия византийцами любого из Вселенских Соборов. Тот факт, что акты Собора были утрачены, является большим разочарованием для современных историков, но он совершенно не повлиял на византийских хронистов, поскольку они вообще почти никогда не пользовались столь сложными типами источников. Сохранившиеся акты других Соборов точно так же игнорировались хронистами, как и утраченные акты Соборов 325 и 381 гг.

Первыми важнейшими источниками по истории Собора 381 г. для византийцев могли послужить гораздо более компактные и непротиворечивые рассказы церковных историков V в.: *Сократа Схоластика, Созомена и Феодорита Кирского*¹. Каждый из них оставил достаточно подробное описание Собора. Все они привели некий минимум необходимых сведений о Соборе: созыв по эдикту Феодосия Великого, имена наиболее знаменитых его участников, утверждение богословия о Св. Духе и дополнение к Никейскому Символу веры, осуждение различных еретических движений, смерть еп. Мелетия Антиохийского и избрание на его место Флавиана, признание первенства чести в иерархии Вселенской Церкви за столичной Константинопольской кафедрой после Римской.

Сократ Схоластик, видимо, из-за своих связей с новацианами умолчал об осуждении ересей на Соборе.

¹ *Сократ Схоластик*. Церковная история V. 8—9; *Созомен*. Церковная история VII. 7—11; *Блж. Феодорит Кирский*. Церковная история V. 8—11.